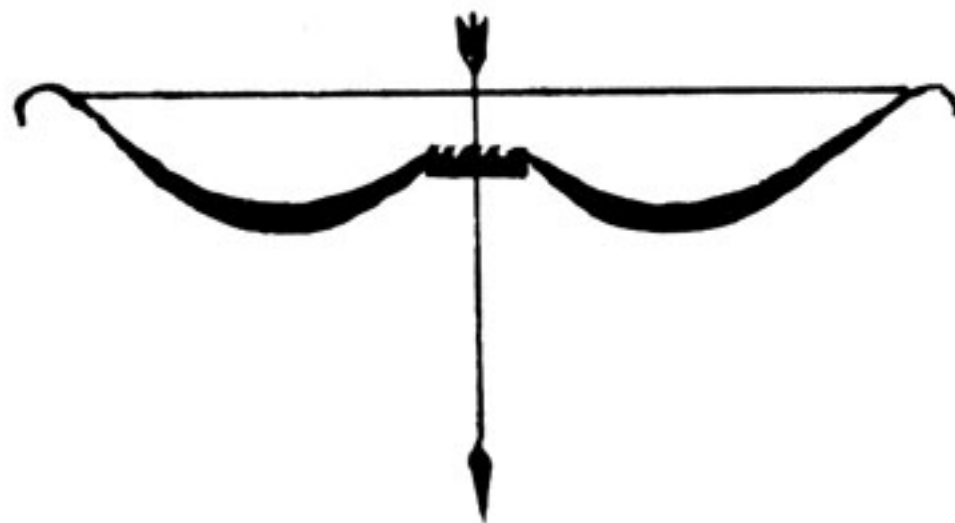

ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ!

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
XI—XV ВЕКОВ

Художник
Владимир НОСКОВ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

1981

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

СЛОВО О ПЪЛКУ ИГОРЕВЕ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ,
ВНУКА ОЛЬГОВА

е лепо ли ны бяшетъ,
братие, начяти старыми
словесы трудныхъ
повестий о пълку
Игоре́ве, Игоря
Святъславлича? Начати

же ся тѣи песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню! Боянъ бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ бо, рече, първыхъ временъ усобице. Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей, которые дотечаше, та преди песнь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ пълкы касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедей пушаше, нь своя вещиа прѣсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повесть сию отъ стараго Владимиреа до нынешняго Игоря, иже истягну умъ крепостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы на землю

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть

начнется же песнь эта по былям нашего времени, не по замыслению Бояна! Боян же вещий, если хотел кому песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда пускал десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигали — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. Боян же, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны воскладал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который скрепил ум волею своею и поострил сердце свое мужеством, исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде отъ него тьмою вся своя воя прикрыты.

И рече Игорь къ дружине своей: «Братие и дружино!

Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону».

Спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. «Хощу бо, рече, копие приломити конецъ поля Половецкаго, съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

О Бояне, соловию стараго времени! А бы ты сиа плъкы, ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.

Пети было песнь Игореву, того внуку: «Не буря соколы занесе чресъ поля широкая — галици стады бежать къ Дону Великому». Чи ли възпети было, вещей Бояне, Велесовъ внуче: «Комони ржутъ за Сулою — звенить слава въ Кыеве.

Трубы трубятъ въ Новеграде, стоятъ стязи въ Путивле». Игорь ждетъ мила брата Всеволода.

И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ светъ светлый — ты, Игорю! Оба есве Святъславличя! Седлай, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди.

А мои ти куряни сведоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелеяны, конецъ копия възскръмлени, пути имъ ведоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють, акы серьи влъци въ поле, ищучи себе чти, а князю славе».

Тогда възступи Игорь князь въ златъ стремянь и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше, ношь стонущи ему грозою птичь убуди, свистъ зверинъ въста, збися Дивъ, кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаеме, Влъзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутораканьскый блъванъ.

А половци неготовами дорогами побегоша къ Дону Великому. Крычатъ телегы полунощы, рци, лебеди розпущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо беды его пасеть птицъ по дубию, влъци грозу възсрожать по яругамъ, орли клетомъ на кости звери зовуть, лисици брешуть на

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что оно тьмою воинов его прикрыло. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание отведать Дон Великий заслонило ему предзнаменование. «Хочу, сказал, копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона»..

О Боян, соловей старого времени! Вот бы ты походы эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая славу обеих половин этого времени, рыща по тропе Трояна через поля на горы.

Так бы пелась тогда песнь Игорю, того внуку:

«Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок несутся к Дону Великому». Или так бы запел ты, вещий Боян, внук Велеса: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле». Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй-Тур

Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои-то готовы, уже оседланы у Курска. А мои-то куряне опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наострены; сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало, ночь стопами грозы птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский идол.

А половцы непроторенными дорогами помчались к Дону Великому. Кричат телеги в полночи, словно лебеди испуганные.

А Игорь к Дону войско ведет. Уже беду его подстерегают птицы по дубравам, волки грозу накликают по оврагам, орлы клектом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты.

А Игорь к Дону войско ведет. Уже беду его подстерегают птицы по дубравам, волки грозу накликают по оврагам, орлы клектом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Длъго ночь мръкнетъ. Заря светъ запала, мъгла поля покрыла, щекоть славий успе, говоръ галичь убудися. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю — славы.

Съ зарания въ пятъкъ потопташа поганья плъкы половецкыя и, рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ местомъ, и всякими узорочьи половецкыми. Чрълень стягъ, бела хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие — храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо.

Далече залетело! Не было онъ обиде порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чръный воронъ, поганый половчине! Гзакъ бежитъ серымъ влъкомъ, Кончакъ ему следъ править къ Дону Великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори светъ поведаютъ, чръныя тучя съ моря идутъ, хотять прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии мльнии. Быти грому великому, итти дождю стрелами съ Дону Великаго!

Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломя половецкыя, на реце на Каяле, у Дону Великаго.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Се ветри, Стрибожи внуци, веють съ моря стрелами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ, реки мутно текуть, пороси поля прикрывають, стязи глаголють: половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ рускыя плъкы оступиша.

Дети бесови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Ярь Туре Всеволоде! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрелами, гремлещи о шеломя мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвечивая, — тамо лежатъ поганья головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломя оварьскыя отъ тебе, Ярь Туре Всеволоде! Кая раны, дорога братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глебовны, свычая и обычая! Были вечи Трояни, минула лета Ярославля,

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щеко́т соловьиный уснул, говор галочий пробудился. Русичи великие поля червлеными щитами перегородили, ища себе чести, а князю славы.

Спозаранок в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. Покрывалами, и плащами, и кожухами стали мосты мостить по болотам и топям, и дорогими нарядами половецкими.

Червленый стяг, белая хоругвь, червленый бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело!

Не было оно в обиду порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половец! Гзак бежит серым волком, Кончак ему след указывает к Дону Великому.

На другой день спозаранку кровавые зори свет предвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону Великого!

Тут копьям преломиться, тут саблям побиться о шело́мы половецкие, на реке на Каяле, у Дона Великого.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля прикрывает, стяги говорят: половцы идут от Дона и от моря и со всех сторон

русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Яр-Тур Всеволод! Бьешься ты впереди, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда, Тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат поганые головы половецкие. Расщеплены шлемы аварские твоими саблями калеными, Яр-Тур Всеволод! Что тому раны, дорогие братья, кто забыл честь и богатство, и города Чернигова отчий золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, свычаи и обычаи!

Были века Трояновы, минули годы Ярославовы, были и войны Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял.

мечемъ крамолу коваше и стрелы по земли сеяше. Ступаетъ въ златъ стремянъ въ граде Тьмуторокане, той же звонъ слыша давный великий Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Чернигове. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святополькъ полелея отца своего между угорьскими

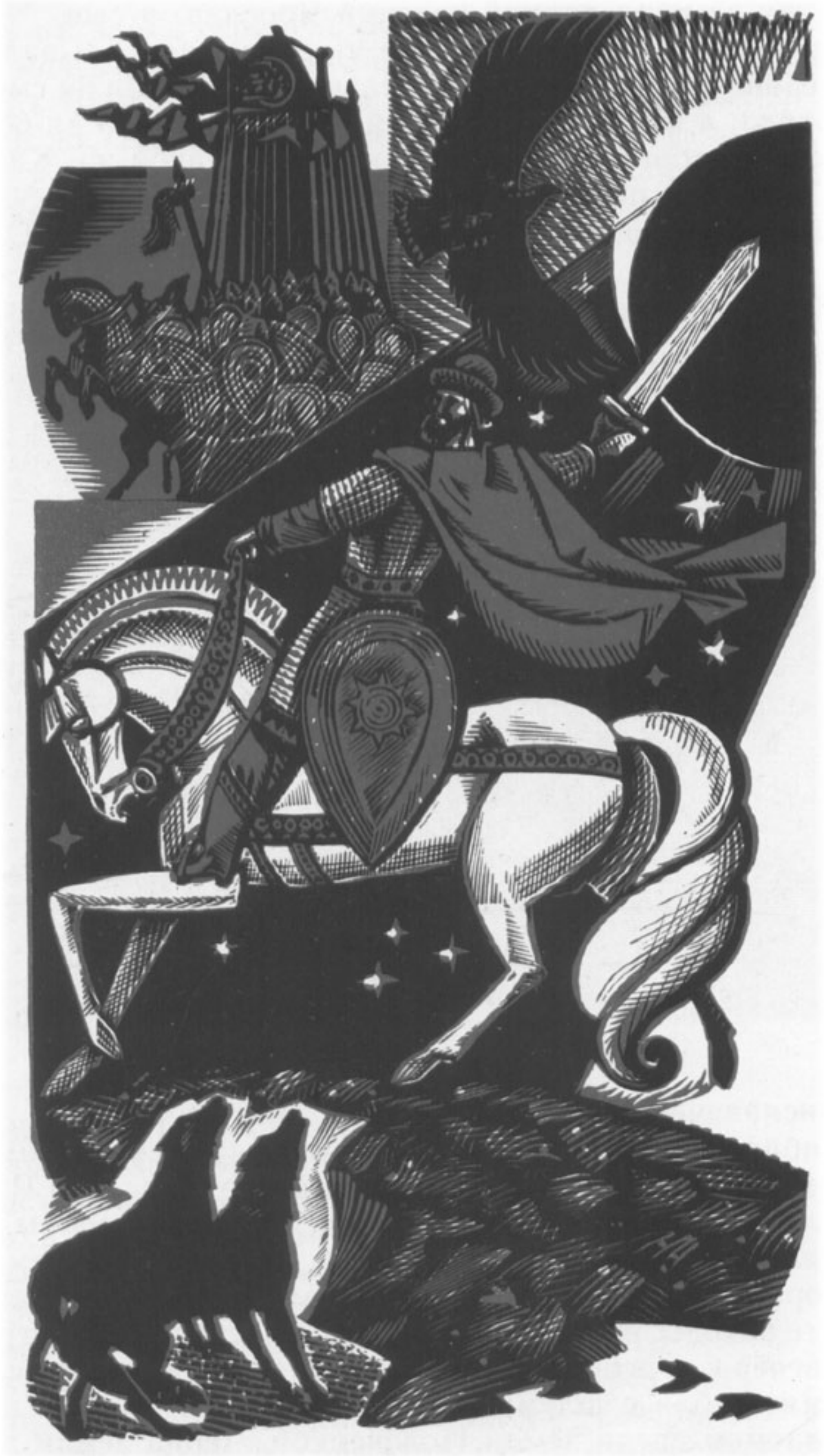

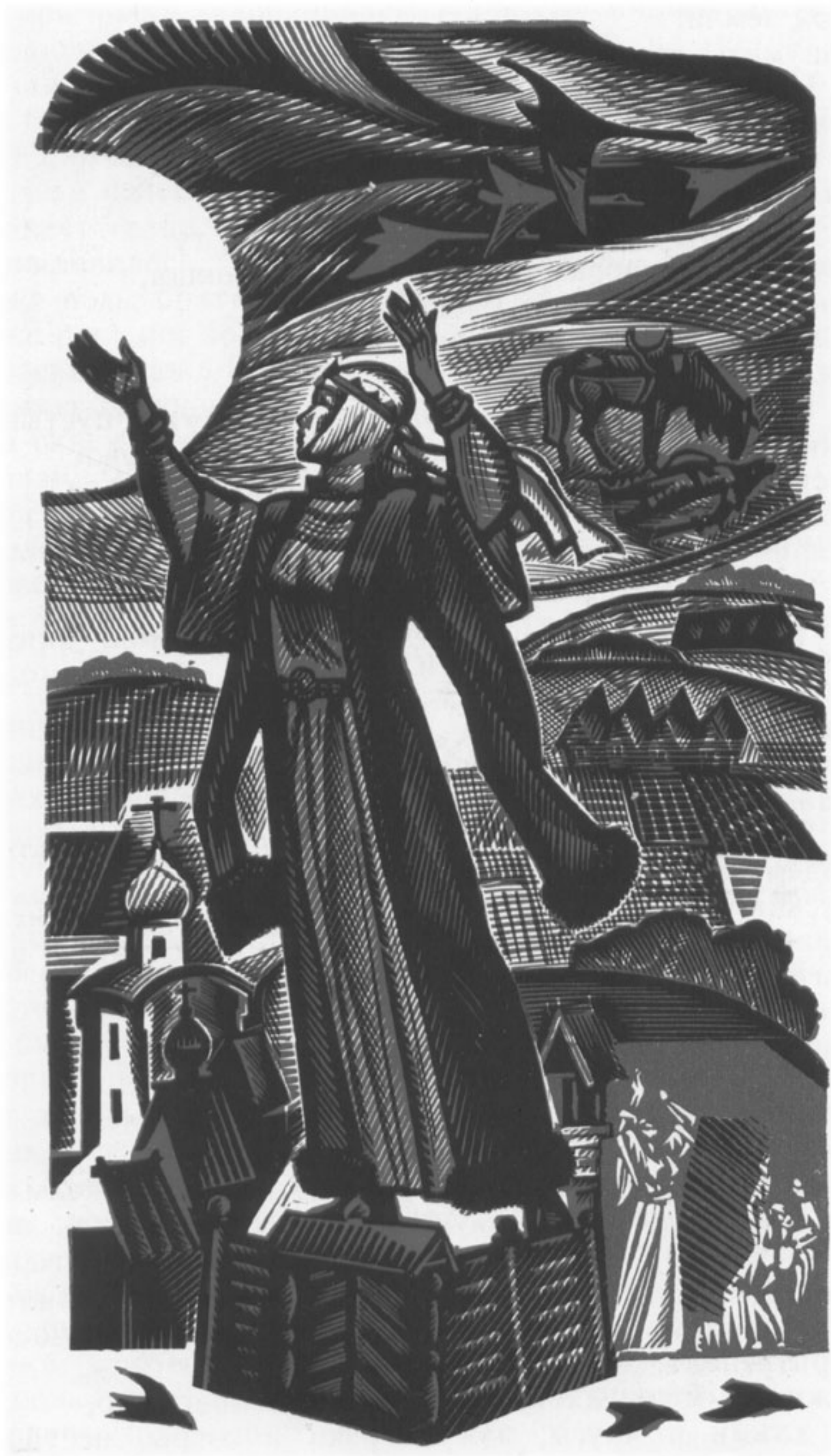
иноходьцы ко святей Софии къ Кыеву. Тогда при Олзе Гориславлича сеяшется и растяшетъ усобицами, погибашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ веци човекомъ скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь говоряхуть: хотять полетети на уедие. То было въ ты рати, и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано! Съ зараниа до вечера, съ вечера до света летять стрелы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копиа харалужныя въ поле незнаеме среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты

Вступил в золотое стремя в городе Тмуторокани, а звон тот же слышал давний великий Ярослав, а сын Всеволода Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. А Бориса Вячеславича похвальба на смерть привела, и на Канине зеленый саван постлала за обиду Олега, храброго и молодого князя. С такой же Каялы и Святополк полелеял отца своего между венгерскими иноходцами ко святой Софии к Киеву. Тогда при Олеге

Гориславиче заседалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажь-Божьего внука, в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили. Хотят полететь на поживу! То было в те рати и в те походы, а такой рати не слыхано! С раннего утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копья булатные в поле неизвестном среди земли Половецкой. Черна земля под копытами костью была посеяна, а кровью полита; горем взошли они по Русской земле!

костью была посеяна, а кровию поляна; туюю взыдоша по Руской земли!

Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с туюю къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, невеселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синемъ море у Дону, плещучи, убуди жирня времена.

Усобица княземъ на поганя погыбе, рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себе крамолу ковати, а погании съ всехъ странъ прихождаху съ победами на землю Рускую.

О, далече заиде соколь, птицъ бья,— къ морю.

А Игорева храбраго плъку не кресити.

За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламяне розе.

Жены руския въсплакашась, а ркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!»

А въстона бо, братие, Киевъ туюю, а Черниговъ напастьми.

Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи.

А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, победами нарищуше на Рускую землю, емляху дань по беле отъ двора. Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста, которую то бяше успиль отецъ ихъ Святъславъ грозный великий Киевский грозою, бяшетъ притрепаль своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, взмути реки и озера, иссуши потоки и болота.

Что мне шумит, что мне звенит издалека рано до зари?
Игорь полки заворачивает: жаль ему милого брата
Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день
к полудню пали стяги Игоревы! Тут разлучились братья
на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не достало;
тут пир закончили храбрые русичи: сватов напоили,
а сами полегли за землю Русскую.

Никнет трава от жалости, а древо с тоской к земле
приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало,
уже пустыня войско прикрыла. Встала обида в
войсках Дажь-Божьего внука, вступила девой на
землю Троянову, всплескала лебедиными крылами
на синем море у Дона, плеская, растревожила времена
обилия. Борьба князей с погаными кончилась, ибо сказал
брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про
малое «это великое» молвить и сами на себя крамолу
ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами
на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, — к морю!
А Игорева храброго полка не воскресить! По нем
кликнула Карна, и Желя поскакала по Русской земле,
размыкивая огонь людям в пламенном роге. Жены
русские восплакались, приговаривая: «Уже нам
своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою
сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра
и пуще того в руках не подержать!» И застонал, братья,
Киев от горя, а Чернигов от напастей.

Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная
потекла среди земли Русской. А князья сами на
себя крамолу ковали, а поганые сами, с победами
нарыскивая на Русскую землю, брали дань по белке
от двора.

Так и те два храбрых Святославича. Игорь и
Всеволод уже зло пробудили, которое перед
тем усыпил было отец их, Святослав грозный великий
киевский, грозою своею, усмирил своими сильными
полками и булатными мечами; пришел на землю
Половецкую, притоптал холмы и овраги, взмутил
реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого
Кобяка из Лукоморья, из железных великих
полков половецких, словно вихрем
исторг, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице.

А поганаго Кобяка изъ луку моря отъ железныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже, и падесея Кобякъ въ граде Кieve, въ гриднице Святъславли. Ту немци и венецици, ту греци и морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во дне Каялы, реки половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорьъ князь выседе изъ седла злата, а въ седло кощиево. Уныша бо градомъ забраля, а веселие понице.

А Святъславъ мутенъ сонъ виде въ Кieve на горахъ. «Си ночь съ вечера одевахуть мя,— рече,— чръною паполомою на кровати тисове, чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смешено, сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великийъ женчюгъ на лоно, и негують мя.

Уже дьскы безъ кнеса в моемъ тереме златовръсемъ. Всю ночь съ вечера бусови врани възгряху у Плесньска на болони беша дбрь Кисаню и несошася къ синему морю». И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ полонила. Се бо два сокола слетеста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припешали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины железны. Темно бо бе въ 3 день: два солнца померкоста, оба багряная стльпа погасоста, и въ море погрузиста, и съ нима молодая месяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволокоста.

На реце на Каяле тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо, и великое буйство подасть хинови. Уже снесесе хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса Дивъ на землю. Се бо готския красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово, лелеють мечь Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великийъ Святъславъ изрони злато слово слезами смешено и рече: «О, моя сыновчя,

Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нъ нечестно одолесте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузе скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней седине!

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава, съ черниговьскими

Святославовой. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, что потопил богатство на дне Каялы, реки половецкой, русское золото просыпав. Тут Игорь-князь пересел из золотого седла в седло рабское. Приуныли у городов забралы, и веселье поникло.

А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах.

«Этой ночью с вечера одевали меня, говорил, черным саваном на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, сыпали мне крупный жемчуг из пустых колчанов поганых толковин и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, были в дебри Кисаней и понеслись к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум полонило. Вот слетели два сокола с отчего золотого престола добыть города Тмутороканя либо испить шлемом Дона. Уже соколам крылья подсекли саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно ведь было в третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними оба молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла: по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок пардусов, и великое ликование пробудили в хиновах. Уже пала хула на хвалу; уже ударило насилие по свободе; уже бросился Див на землю.

Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, звеня русским золотом, воспевают время Бусово, лелеют месть за Шарукана. А мы уже, дружина, невеселы».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано начали вы Половецкой земле мечами обиду творить, а себе славы искать. Но без чести вы одолели, без чести кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата скованы и в отваге закалены. Что же сотворили вы моей серебряной седине!»

А уже не вижу власти сильного и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава, с

былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ реугы, и съ ольберы. Тии бо бесщитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побеждають, звонячи въ прадедную славу.

Нъ рекосте: «Мужаимеся сами: преднюю славу сами похытимъ, а заднюю ся сами поделимъ». А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнезда своего въ обиду. Нъ се зло — княже ми не пособие: наниче ся години обратиша. Се у Римъ кричатъ подь саблями половецкыми, а Володимиръ подь ранами. Туга и тоска сыну Глебову!»

Великый княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти?

Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.

Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногате, а кощей по резане. Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стреляти, удалыми сыны Глебовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде! Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на поле незнаеме?

Вступита, господина, въ злата стремя за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

Галички Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своемъ златокованнемъ столе, подперъ горы Угорскыи своими железными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, отворяеши Киеву врата, стреляеши съ отня злата стола салтани за землями.

Стреляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носить ваю умъ на дело. Высоко плаваеши на дело въ буюсти, яко соколь на ветрехъ ширяся, хотя птицю въ буюстве одолети. Суть бо у ваю железныи папорзи подь шеломы латинскими. Теми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци — сулицы своя повръгоша, а

черниговскими боярами, с могутами и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Они ведь без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу.

Но сказали вы: «Помужествуем сами: прошлую славу себе похитим, а будущую сами поделим».

А разве дивно, братья, старому помолодеть? Если сокол в мытах бывает, то высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот зло — князья мне не подмога: худо времена обернулись. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир под ранами.

Горе и тоска сыну Глебову!

Великий князь Всеволод! Не думаешь ли ты прилететь издалека, отчий золотой престол поблюсти? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы раба по ногате, а раб по резане. Ты ведь можешь посуху живыми шерещирами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, буйный Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины злачеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями калеными, на поле незнаемом? Вступите же, господа, в золотое стремя за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола салтанов за землями. Стреляй же, господин, Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича.

А ты, буйный Роман, и Мстислав! Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко взмываешь на подвиг в отваге, точно сокол на ветрах паря, стремясь птицу в смелости одолеть. Ведь у ваших воинов железные папорзи под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие страны — Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела и половцы копыа свои повергли

главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже, княже, Игорю утръпе солнцю светъ, а древо не бологомъ листовие срони: по Роси и по Сули гради поделиша. А Игорева храбраго плъку не кресити! Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на победу.

Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань... Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславици не худа гнезда шестокрилци! Не победными жребии собе власти расхытисте! Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты? Загородите Полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича! Уже бо Сула не течеть сребренными струями къ граду Переяславию, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу деду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кроваве траве притрепанъ литовскими мечи. И с хотию на кровать, и рекъ: «Дружину твою, княже, птицъ крылы приоде, а звери кровь полизаша».

Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тела чресъ злато ожерелие. Унылы голоси, пониче веселие, трубы трубятъ Городеньскии.

Ярославе и вси внуце Всеслави! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дедней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Которою бо беше насилие отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ веце Трояни врѣже Всеславъ жребий о девицю себе любу. Тыи клюками подпресея о кони и скочи къ граду Киеву, и дотчесе стружиемъ злата стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лутымъ зверемъ въ плъночи изъ Белаграда, обесися сине мъгле, утрѣже вазни с три кусы: отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизе снопы стелють головами, молотятъ чеши харалужными, на тоце животъ кладуть, веють душу отъ тела. Немизе кровави брезе не бологомъ бяхуть посеяни, посеяни костями Рускихъ сыновъ.

и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу.

Ольговичи, храбрые князья, уже успели на брань... Ингварь, и Всеволод, и все три Мстиславича — не худого гнезда соколы! Не по праву побед добыли себе владения! Где же ваши золотые шлемы, и копья польские, и щиты? Загородите Полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет для тех грозных полочан под кликом поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, прибил славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами прибит со своим любимцем, а тот сказал: «Дружину твою, князь, крылья птиц придели, а звери кровь полизали». Не было тут брата Брючислава, ни другого — Всеволода. Так в одиночестве изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городенские.

Ярослав и все внуки Всеслава! Уже склоните стяги свои, вложите в ножны мечи свои поврежденные, ибо лишились вы славы дедов. Своими крамолами начали вы наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеслава. Из-за усобиц ведь пошло насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна кинул Всеслав жребий о девице ему милой. Хитростью оперся на коней и скакнул к городу Киеву, и коснулся древком золотого престола киевского. Отскочил от них лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей мглой, урвал удачу в три попытки: отворил ворота Новгороду, расшиб славу Ярославу, скакнул волком до Немиги с Дудуток. На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добром были засеяны, засеяны костями русских сынов.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотьске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыеве звонъ слыша.

Аще и веща душа въ дръзе теле, нъ часто беды страдаше. Тому вещей Боянъ и прѣвое припевку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!»

О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князей! Того стараго Владимира нельзе бе пригвоздити къ горамъ Киевскимъ; сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нъ розно ся имъ хоботы пашуть. Копиа поють!

На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемъ рано кычетъ: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бѣбрянъ рукавъ въ Каяле-реце, утру князю кровавыя его раны на жестоцемъ его теле».

Ярославна рано плачетъ въ Путивле на забрале, а ркучи: «О ветре, ветрило! Чему, господине, насильно весши? Чему мычещи хиновьскыя стрелкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои?»

Мало ли ти бяшетъ горе, под облакы веяти, лелеючи корабли на сине море? Чему, господине, мое веселие по ковылю развезя?»

Ярославна рано плачетъ Путивлю-городу на забороле, а ркучи: «О Днепре Словутицю! Ты пробиль еси каменныя горы сквозе землю Половецкую. Ты лелеяль еси на себе Святославлѣ носады до плѣку Кобякова. Възлелей, господине, мою ладу къ мне, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

Ярославна рано плачетъ въ Путивле на забрале, а ркучи: «Светлое и тресветлое слънце! Всемъ тепло и красно еси, чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе вои? Въ поле безводне жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче».

Прысну море полунощи; идутъ сморци мъглами.

Игореви князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зари. Игорь спить, Игорь бдитъ,

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до петухов дорыскивал Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перерыскивал. Ему в Полоцке позвонили к заутрени рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хоть и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещей Боян еще давно припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать!»

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне встали стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, но врозь их знамена развеваются. Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкой безвестной рано кукует. «Полечу, говорит, кукушкой по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, веешь ты наперекор? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего лады? Разве мало тебе было под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет на забрале Путивля-города, приговаривая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы лады до стана Кобяка. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и прекрасно, зачем же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло».

Прыснуло море в полуночи, идут смерчи тучами. Игорю-князю бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасли вечером зори. Игорь спит и не спит: Игорь мыслью поля мерит от великого

малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлурь свисну за рекою — велить князю разумети: князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшуме трава, вежи ся половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и белымъ гоголемъ на воду, вьврѣжеся на брѣзь комонь и скочи съ него босымъ влькомъ, и потече къ лугу Донца, и полете соколомъ подь мъглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обеду, и ужине. Коли Игорь соколомъ полете, тогда Влурь влькомъ потече, труся собою студеную росу; претръгоста бо своя брѣзая комоня. Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величия, лелеявшу князя на вльнахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезехъ, одевавшу его теплыми мъглами подь сению зелену древу. Стрежаше ё гоголемъ на воде, чаицами на струяхъ, чрънядьми на ветрехъ». Не тако ли, рече, река Стugna: худу струю имея, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена къ устью, уношу князю Ростиславу затвори. Днепри темне березе плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславе. Уныша цветы жалобою, и древо с тугою къ земли преклонилось. А не сорокы втроскоташа — на следу Игореве ездить Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлькоша, сорокы не троскоташа, полозие ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ реце кажутъ, соловии веселыми песньми светъ поведаяють. Мльвить Гзакъ Кончакови: «Аже соколь къ гнезду летить, — соколича ростреляеве своими злаченными стрелами». Рече Кончакъ ко Гзе: «Аже соколь къ гнезду летить, а ве соколца опутаеве красною дивицею». И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаеве красною дивицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дивице, то почнутъ наю птици бити въ поле Половецкомъ».

Рекъ Боянь и Ходына, Святъславля песнотворца старого времени Ярославля, Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы», — Руской земли безъ Игоря.

Солнце светится на небесе — Игорь князь въ Руской земли. Девици поють на Дунаи — вьются голоси

Дона до малого Донца. В полночь свистнул Овлур коня за рекой — велит князю разуместь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие.

А Игорь-князь скакнул горностаем в тростники и белым гоголем на воду, вскочил на борзого коня и соскочил с него серым волком. И помчался к излучине Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Коли Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, отряхая студеную росу: загнали они своих борзых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Не мало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!»

Игорь сказал: «О Донец! Не мало тебе величия, лелеявшему князя на волнах, стлавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Ты стерег его гоголем на воде, чайками на струях, чернядьми на ветрах».

Не такая, сказал, река Стugna: скудную струю имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава заключила.

На темном берегу Днепра плачет мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, и дерево с тоской к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря едут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет возвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит, расстреляем соколенка своими злаченными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы и станут нас птицы бить в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына, Святославовы песнотворцы, старого времени Ярославова, Олега-князя любимцы:

«Тяжко голове без плеч, беда и телу без головы» — так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до

чрезъ море до Киева. Игорь едетъ по Боричеву къ святей Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели.

Певше песнь старымъ княземъ, а потомъ — молодымъ пети! Слава Игорю Святъславличю, Буй-Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здрoви, князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плъки! Княземъ слава а дружине! Аминь.

Киева. Игорь едет по Боричеву ко святой Богородице
Пирогощей. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом молодым петь!

Слава Игорю Святославичу, Буй-Туру Всеволоду,

Владимиру Игоревичу!

Здравы будьте, князья и дружина, борясь за христиан
против полков поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь.

